

Отношение стран «Глобального Юга» к России в условиях трансформации мирового порядка (на основании голосования ООН)

Кристина А. Пурен

*Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации,
Москва, Россия; puren2011@mail.ru*

Екатерина С. Чимирис

*Институт Европы РАН, Москва, Россия;
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации,
Москва, Россия, chimiris@gmail.com*

Аннотация. Оценка поддержки России странами мира в условиях трансформации международного порядка приобретает особую актуальность в связи с изменением конфигурации политических и экономических связей, а также выдвижением альтернативной повестки странами «Глобального Юга». Представленное исследование направлено на выявление динамики поддержки России в период с 2014 по 2021 г. и далее после начала специальной военной операции на Украине по 2024 г. В качестве эмпирической базы использованы данные голосования стран «Глобального Юга» на Генеральной Ассамблее ООН по резолюциям, инициированным Россией или связанным с ее позицией.

Методологической основой работы выступает специально разработанный индекс поддержки, позволяющий количественно измерить степень солидарности государств с российскими инициативами. Такой подход позволил выделить четыре группы стран: «низкой поддержки», «поддержки ниже среднего», «поддержки выше среднего» и «высокой поддержки».

Анализ охватил 112 государств Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона. Результаты показали неоднородность позиций. Если Сирия, Эритрея, Мали или Боливия стабильно голосуют в поддержку России, то большинство стран Персидского залива, Индия, Китай и Бразилия предпочитают занимать умеренно-нейтральную позицию, совмещая сдержанность в голосовании с практическим развитием двустороннего сотрудничества. Для Африки характерно

сочетание формальной осторожности в ООН с углублением взаимодействия в сфере энергетики, инфраструктуры, образования и добывающих отраслей.

Сравнительный анализ двух временных отрезков (2014–2021 гг. и 2022–2024 гг.) выявил общее снижение формальных показателей поддержки России на Генеральной Ассамблее ООН после начала СВО на Украине. При этом фактические связи зачастую демонстрируют противоположную тенденцию, проявляющуюся в растущей заинтересованности в многосторонних форматах (БРИКС, ШОС, региональные объединения) и стремлении к снижению зависимости от западных институтов. Таким образом, исследование подтверждает, что формальные результаты голосований на Генеральной Ассамблее ООН не полностью отражают реальные внешнеполитические приоритеты стран «Глобального Юга», а ключевым фактором остается их прагматический интерес к многополярному миру и альтернативным моделям глобального развития.

Ключевые слова: Россия, многополярность, миропорядок, Глобальный Юг, Ближний Восток, Африка, Латинская Америка, Азиатско-Тихоокеанский регион, ООН, глобальное большинство, украинский кризис

Для цитирования: Пурен К.А., Чимириц Е.С. Отношение стран «Глобального Юга» к России в условиях трансформации мирового порядка (на основании голосования ООН) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 3. С. 133–152. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-133-152

The attitude of the countries of the “Global South” towards Russia (based on the UN vote) in the context of the transformation of the world order

Christina A. Puren

*Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development
of the Russian Federation, Moscow, Russia, puren2011@mail.ru*

Ekaterina S. Chimiris

*Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development
of the Russian Federation, Moscow, Russia, chimiris@gmail.com*

Abstract. The assessment of global support for Russia amid the transformation of the international order has acquired relevance due to the changing configuration of political and economic ties, as well as the emergence of an alternative agenda promoted by the countries of the “Global South”. This study

is aimed at identifying the dynamics of support for Russia during the period from 2014 to 2021, and further, after the beginning of the special military operation in Ukraine, up to 2024. The empirical basis is formed by the voting data of “Global South” countries in the UN General Assembly on resolutions initiated by Russia or related to its position.

The methodological foundation of the research is a specially developed Support Index, which makes it possible to quantitatively measure the degree of solidarity of states with Russian initiatives. This approach allowed the authors to distinguish four groups of countries: “low support”, “below-average support”, “above-average support”, and “high support”.

The analysis covered 112 states of Africa, Latin America, the Middle East, and the Asia-Pacific region. The results demonstrated heterogeneity of positions. While Syria, Eritrea, Mali, and Bolivia consistently vote in support of Russia, most of the Gulf states, India, China, and Brazil prefer a moderately neutral stance, combining restraint in voting with practical development of bilateral cooperation. African states are generally characterized by a combination of formal caution at the UN with deepening cooperation in energy, infrastructure, education, and extractive industries.

A comparative analysis of the two time periods (2014–2021 and 2022–2024) revealed an overall decline in formal indicators of support for Russia at the UN General Assembly after the start of the military operation in Ukraine. At the same time, actual relations often demonstrate the opposite trend, reflected in growing interest in multilateral formats (BRICS, SCO, regional associations) and efforts to reduce dependence on Western institutions. Thus, the study confirms that formal voting outcomes at the UN General Assembly do not fully reflect the real foreign policy priorities of the “Global South” countries, while their pragmatic interest in a multipolar world and alternative models of global development remains the key factor.

Keywords: Russia, multipolarity, world order, Global South, Middle East, Africa, Latin America, Asia-Pacific region, UN, global majority, Ukrainian crisis, Russia

For citation: Puren, Ch.A. and Chimiris, E.S. (2026), “The attitude of the countries of the “Global South” towards Russia (based on the UN vote) in the context of the transformation of the world order”, *RSUH/RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 133–152, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-133-152

Введение

Сегодня в мировой политике можно выделить две ключевые противоположные тенденции. С одной стороны, усиливающийся

запрос на трансформацию международного порядка и как следствие переход к многополярности и выстраиванию новых экономических и политических связей. С другой – стремление к фрагментации и попытки ряда западных стран представить Россию в качестве «глобального изгоя». И несмотря на существующую критику ООН и очевидную необходимость ее реформирования, голосование на Генеральной Ассамблее ООН все же остается одним из важных индикаторов позиций государств всего мира по ключевым международным вопросам. В то же время итоги таких голосований не всегда объективны: выбор стран зачастую обусловлен множеством факторов, включая политическую конъюнктуру и экономические интересы.

Объектом данного исследования стали результаты голосования стран «Глобального Юга» по резолюциям ООН, связанным с позицией России. Отметим, что истоки появления термина «Глобальный Юг» относятся к периоду с середины 1980-х до 2000-х гг. и отражают попытку классификации мира с учетом экономического неравенства и географической привязанности [Растольцев 2018]. Однако это не предполагает историческую предопределенность развития этих стран, о чем свидетельствует экономический успех «азиатских тигров». В этой связи термин используется нами в качестве инструмента для классификации стран, но не несет в себе экономического содержания.

Обсуждению параметров, которые могут быть использованы для определения отношения стран «Глобального Юга» к России, и их дальнейшей интерпретации посвящена эта статья.

Обзор литературы

В рамках данного исследования авторы выделяют две группы работ: в широком смысле – исследования, посвященные трансформации мирового порядка, в более узком – труды, рассматривающие ООН как институт глобального управления.

Рост числа публикаций по теме трансформации мирового порядка в отечественной литературе стал особенно заметен после начала специальной военной операции (СВО) России на Украине. Однако статьи на эту тему можно встретить и до 2022 г.: Д.Б. Рюриков [Рюриков 2013], М.В. Солянова [Солянова 2016], В.Г. Барановский [Барановский 2017], А.И. Никитин [Никитин 2018] и др. Исследователи рассматривают теоретико-понятийный аппарат, используемый для определения мирового порядка, историческую ретроспективу международной политической системы и оценивают

сценарии ее будущего развития. Критическим моментом в обострении отношений между Россией и странами Запада до 2022 г. является «Крымский прецедент», в то время как в работах после 2022 г. в качестве критической точки обозначается начало СВО на Украине. Фактически, переход конфликта между Россией и Украиной в новую фазу, а также масштабное развертывание санкционной политики против России в 2022 г. можно считать моментом, с которого начинается отсчет формирования новой системы международных отношений.

Так, А.А. Дынкин пишет, что новый мировой порядок как правило возникал после завершения большой войны, а местом, где он создавался, обычно была Европа [Дынкин 2024]. Т.А. Шаклеина рассматривает конфликт 2022 г. как отправную точку финального этапа борьбы США за сохранение своего доминирующего влияния [Шаклеина 2022]. При этом она обращает внимание на то, что «Соединенные Штаты продолжают усилия по превращению ООН в мировое правительство под своим контролем, что не позволяет решить проблему войны и мира, снижает престиж ООН и организаций, входящих в систему ООН». А.В. Фененко, анализируя модификацию Вестфальской системы, выделяет два конкурирующих проекта мирового порядка: американский, основанный на гегемонизме, и китайско-российский, ориентированный на баланс сил [Фененко 2023].

ООН также становится объектом научных исследований. Так, Е.А. Маслова и Г.Н. Иванов анализируют политику Италии на Генеральной ассамблее ООН, отмечая, что яркой чертой итальянской политики остается способность «корректировать свою позицию и голосовать солидарно с остальными европейскими странами ради достижения максимально возможного консенсуса». В то же время важной предстает мысль авторов о том, что Италия как «средняя держава» рассматривает многосторонние институты с точки зрения ключевого инструмента реализации своих национальных интересов [Маслова, Иванов 2024].

Р. Кампоза, Дж. Эстефания-Флорес, Д. Фурсери, Я. Тимини на основании голосования по резолюции Генассамблеи ООН о приостановке участия России в Совете ООН по правам человека от 7 апреля 2022 г. классифицировали страны мира как принадлежащие к одному из трех блоков – западному (те, кто голосовал «за»), восточному (те, кто голосовал «против») или нейтральному (те, кто воздержался или не участвовал) (Campos et al. 2023).

Система координат мировой реакции на украинский кризис в Африканском регионе была предложена исследовательской группой ИМИ МГИМО МИД России в работе “Africa and the

Ukraine Crisis: Exploring Attitude” (Safranchuk et al. 2023). Авторы разделили африканские страны в зависимости от их реакции на украинский кризис на пять групп: непримиримая антироссийская позиция, умеренная антироссийская позиция, нейтральные, сочувствующие России и решительные сторонники России.

Таким образом, стоит отметить, что классификация стран по голосованию в ООН используется в качестве инструмента анализа и возможного прогноза развития международных отношений. Новизна исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, заключаются, во-первых, в более широком охвате стран – рассмотрены все страны «Глобального Юга», а во-вторых, в применении сравнительного подхода голосований в течение двух временных периодов.

Методология

Авторы данной статьи предлагает масштабировать регион исследования до стран «Глобального Юга», который включает страны Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. Последующее разделение стран на макрорегионы даст возможность их сравнения и классификации по группам «низкой поддержки», «поддержки ниже среднего», «поддержки выше среднего» и «высокой поддержки». Уточним, что «поддержка выше среднего» подразумевает, что после начала СВО на Украине, государство-член ООН поддержало российскую позицию, в то время как раньше уровень поддержки был ниже.

В рамках данного исследования была проанализирована поддержка России 112 странами Африканского континента, Латинской Америки, Ближневосточного и Азиатского регионов на основании голосования по резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН. Для сравнения было выбрано два периода:

- «первый период» – с 2014 г. («Крымский прецедент») по декабрь 2021 г. (до начала специальной военной операции на Украине)¹;

¹ Резолюции: A/RES/68/262 (2014), A/RES/71/205 (2016), A/RES/72/190 (2017), A/RES/73/194 (2018), A/RES/74/17 (2019), A/RES/75/29 (2020), A/RES/76/70 (2021), A/RES/73/263 (2018), A/RES/74/168 (2019), A/RES/75/192 (2020), A/RES/69/160 (2014), A/RES/70/139 (2015), A/RES/71/179 (2016), A/RES/72/156 (2017), A/RES/73/157 (2018), A/RES/74/136 (2019), A/RES/75/169 (2020), A/RES/76/149 (2021).

– «второй период» – с февраля 2022 г. (начало специальной военной операции на Украине) по 2024 г.²

Выбор резолюций был обусловлен несколькими факторами: 1) резолюция могла быть предложена Россией; 2) резолюция касалась политики и положения России в мире, в частности украинского конфликта.

При подсчете баллов поддержка российской позиции учитывалась в 5 баллов, воздержание – в 2 балла, отсутствие голоса – в 1 балл. Максимальное количество баллов, которое можно было набрать за период: «2014 г. – декабрь 2021 г.» составило – 90 баллов, «февраль 2022 г. – 2024 г.» – 45 баллов.

Результаты исследования

В результате анализа данных о голосовании стран Глобального Юга на Генеральной Ассамблее ООН в отношении резолюций, связанных с Россией, были получены показатели, которые позволили сравнить степень поддержки в период с 2014 по 2021 г. и в период после 2022 по 2024 г. Результаты представлены в виде моделей.

Ближний Восток

На Ближнем Востоке было проанализировано 14 стран³. В отношении поддержки российской позиции на международной арене со стороны стран Ближнего Востока наблюдается неоднородная картина. На протяжении двух периодов голосования на Генеральной Ассамблее ООН Турция и Израиль демонстрируют устойчиво низкий уровень поддержки. Сирия остается единственной страной региона, которая неизменно поддерживает российскую позицию на 100% в обоих периодах (рис. 1). Это подтверждает глубокие союзнические связи и совпадение внешнеполитических интересов в период президентства Башара Асада. Однако, в условиях прихода к власти нового правительства ситуация может измениться.

² Резолюции: A/RES/ES-11/1 (2022), A/RES/ES-11/2 (2022), A/RES/ES-11/3 (2022), A/RES/ES-11/4 (2022), A/RES/ES-11/5 (2022), A/RES/ES-11/6 (2022), A/RES/77/204 (2022), A/RES/78/190 (2023), A/RES/78/316 (2024).

³ Турция, Саудовская Аравия, Израиль, ОАЭ, Кувейт, Иордания, Ирак, Ливан, Йемен, Оман, Катар, Бахрейн, Иран и Сирия.

Значительное число стран региона, таких как Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт, занимает нейтральную позицию по многим вопросам, находясь тем самым в группе поддержки «ниже среднего». Например, уровень поддержки Саудовской Аравии до 2021 г. составлял 62%, но после начала СВО показатель снизился до 36%. ОАЭ и Кувейт демонстрируют схожую динамику (63 и 64% за первый период и 36 и 31% – за второй соответственно).

Экономическое взаимодействие России с большинством стран Ближнего Востока носит преимущественно прагматичный характер и охватывает энергетику, нефтегазовый сектор, инфраструктуру и сферу высоких технологий. Турция и Иран реализуют с Россией проекты в области атомной энергетики (АЭС «Аккую» и Бушерская АЭС), страны Персидского залива развивают сотрудничество в нефтегазовой сфере, Саудовская Аравия и Россия координируют позиции в рамках ОПЕК+. В Сирии взаимодействие опирается на готовность России оказывать стране содействие по восстановлению после конфликта.

Подобные проекты формируют устойчивый практический фундамент двусторонних отношений, однако их наличие не всегда приводит к высокой поддержке российской позиции на Генеральной Ассамблее ООН. Это отражает стратегию балансирования, когда государства региона стремятся минимизировать внешнеполитические риски, сохраняя нейтралитет в международных институтах при параллельном развитии экономических связей с Москвой.

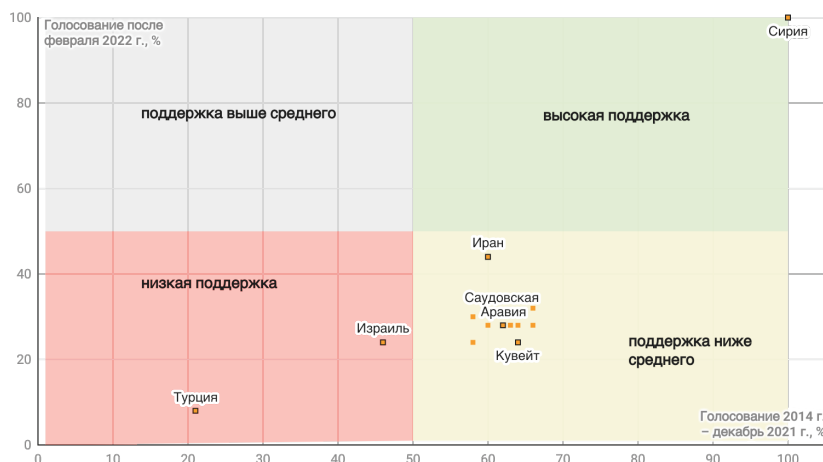

Рис. 1. Ранжирование стран Ближнего Востока по группам поддержки на основании данных голосования на Генеральной Ассамблее ООН

Источник: рассчитано авторами исследования на основании данных цифровой библиотеки ООН

Африканский континент

В Африке были проанализированы 54 государства⁴. Позиция России находит поддержку ряда стран Африканского континента, среди них – Эритрея, Мали, ЦАР, Эфиопия, Бурунди, Алжир, Мозамбик, Намибия. В цели данного исследования не входила оценка экономических и политических причин сохранения поддержки России со стороны стран Африки, однако, в целом стоит отметить, что позиция России в качестве одного из лидеров для новой повестки стран «Глобального Юга» дает позитивные результаты (рис. 2).

Наблюдается рост экономических интересов России в ряде африканских государств посредством расширения торговли и реализации инфраструктурных проектов в энергетике и добывающем секторе. Ряд африканских стран, бывших раньше колониями Франции, пересматривают свое постколониальное положение. В частности, Мали, Нигер, Буркина-Фасо стремятся к диверсификации партнеров и наращивают сотрудничество с Россией. Показателен меморандум о сотрудничестве, подписанный в июле 2025 г. между Госкорпорацией «Росатом» и Министерством энергетики Нигера, предусматривающий в том числе возможность строительства АЭС. Этот документ завершает формирование «атомного треугольника» Альянса государств Сахеля: аналогичные договоренности ранее были достигнуты с Мали и Буркина-Фасо.

Выбор Нигера в качестве партнера неслучаен. Страна занимает особое место на мировом рынке урана, обеспечивая около 5% глобальной добычи. На протяжении десятилетий этот ресурс был ключевым фактором внешнего влияния Франции, однако после политических изменений 2023 г. власти стремятся усилить национальный контроль над ресурсами и диверсифицировать международные контакты. В этом контексте сотрудничество с Россией приобретает для Нигера не только энергетическое, но и стратегическое значение.

⁴ Алжир, Ангола, Бенин, Ботсвана, Буркина-Фасо, Бурунди, Кабо-Верде, Камерун, ЦАР, Чад, Коморские острова, Конго, Кот-д'Ивуар, ДР Конго, Джибути, Египет, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Эфиопия, Эсватини, Габон, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Кения, Лесото, Либереия, Ливия, Мадагаскар, Малави, Мали, Мавритания, Маврикий, Марокко, Мозамбик, Намибия, Нигер, Нигерия, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Сенегал, Сейшельские острова, Сьерра-Леоне, Сомали, Южная Африка, Южный Судан, Судан, Того, Тунис, Уганда, Танзания, Замбия, Зимбабве.

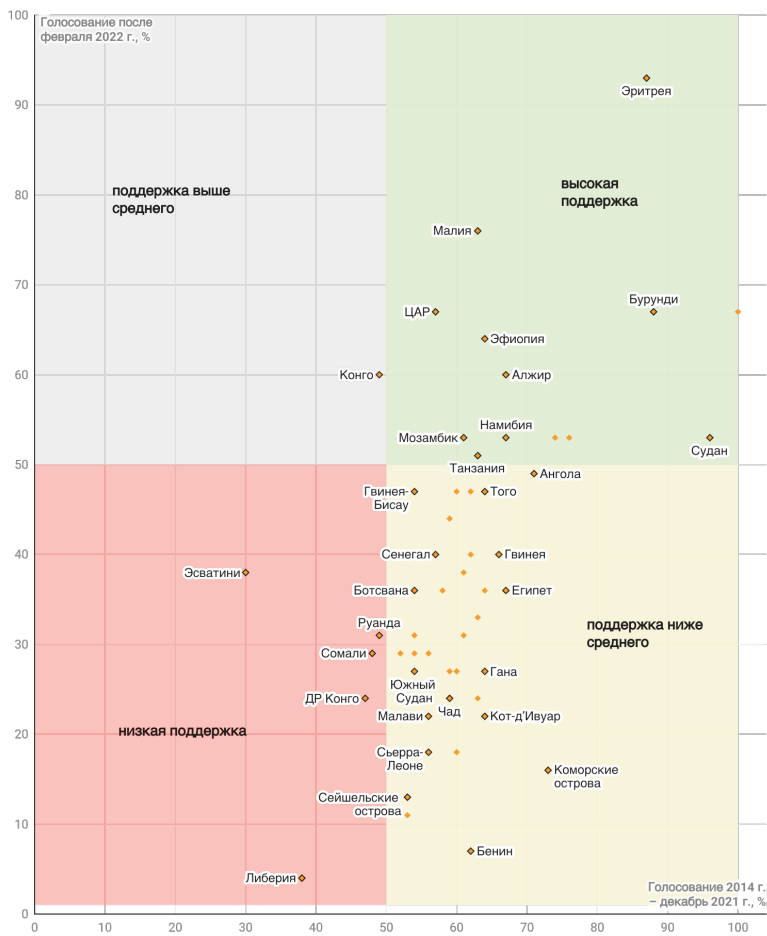

Рис. 2. Ранжирование африканских стран по группам поддержки на основании данных голосования на Генеральной Ассамблее ООН

Источник: рассчитано авторами исследования на основании данных цифровой библиотеки ООН

Аналогичные тенденции прослеживаются и в нефтегазовом и минеральном секторах, например, власти таких стран как ЦАР и Замбия готовы предоставить российским компаниям доступ к добыче ресурсов. Кроме того, в Мали начато строительство золотоперерабатывающего завода мощностью до 200 т в год, что в несколько раз превышает текущий объем официальной добычи в

стране (около 50 т). Участие в строительстве принимает российская компания «Ядран». Предприятие рассматривается как будущий региональный хаб, способный перерабатывать золото не только из Мали, но и соседних стран Сахеля, прежде всего Буркина-Фасо.

Одновременно укрепляется сотрудничество в сфере образования. По данным ЕЭК, за период с 2013/14 по 2023/24 уч. г. число студентов из Африки, обучающихся в России, увеличилось на 356%, при этом наибольший прирост зафиксирован у Египта (+9718%). Также в 2021 г. был создан Российско-африканский сетевой университет, куда вошли 90 российских образовательных учреждений высшего образования и 46 африканских университетов. Таким образом Африка становится регионом, в котором Россия наращивает свое присутствие по целому ряду направлений.

Таким образом, можно сделать вывод о двойственной позиции стран Африки в отношении России. На уровне голосования на Генеральной Ассамблее ООН многие государства занимают формально нейтральную или «сдержанную» позицию, демонстрируя баланс между внешним давлением и необходимостью поддержания многосторонних связей. Однако на практике эта «нейтральность» не препятствует углублению сотрудничества в энергетике, добывающих отраслях, переработке ресурсов и образовании. Это отражает более широкий процесс перехода от постколониальной зависимости к диверсификации партнеров, где Россия воспринимается как контрбаланс западному влиянию и значимый участник в формировании многополярного миропорядка.

Латинская Америка

В регионе Латинской Америки были проанализированы 27 стран⁵. Менее всего изменилась позиция Никарагуа, однако с февраля 2022 г. по настоящее время представители Никарагуа начали воздерживаться по ряду вопросов при голосовании в ООН (100 и 87% соответственно). Высокий уровень поддержки продолжает показывать Боливия (86 и 60%). Наибольший разрыв в показателях до и после 2022 г. демонстрирует Венесуэла – если раньше страна поддерживала Россию по всем вопросам, то после февраля 2022 г.

⁵ Бразилия, Мексика, Перу, Колумбия, Гватемала, Эквадор, Гондурас, Никарагуа, Сент-Люсия, Аргентина, Чили, Коста-Рика, Панама, Уругвай, Доминикана, Гайана, Багамы, Парагвай, Боливия, Белиз, Ямайка, Сент-Китс и Невис, Антигуа и Барбуда, Барбадос, Венесуэла, Доминика, Сент-Винсент и Гренадины.

показатель упал на 80% (рис. 3). Снижение уровня формальной поддержки России со стороны Венесуэлы во многом связано с усилением влияния США на энергетический сектор страны после 2022 г. На фоне глобального энергетического кризиса и ограничений поставок российской нефти Вашингтон возобновил диалог с Каракасом, частично смягчил санкции и допустил отдельные венесуэльские компании к экспорту углеводородов на западные рынки. Для правительства Николаса Мадуро это стало критическим важным источником валютных поступлений и стимулом демонстрировать большую дипломатическую гибкость. В этих условиях Венесуэла сохранила практическое сотрудничество с Россией, но в рамках голосований на Генассамблее ООН стала занимать более сдержанную позицию, стараясь балансировать между традиционным союзом с Москвой и необходимостью поддерживать каналы взаимодействия с США.

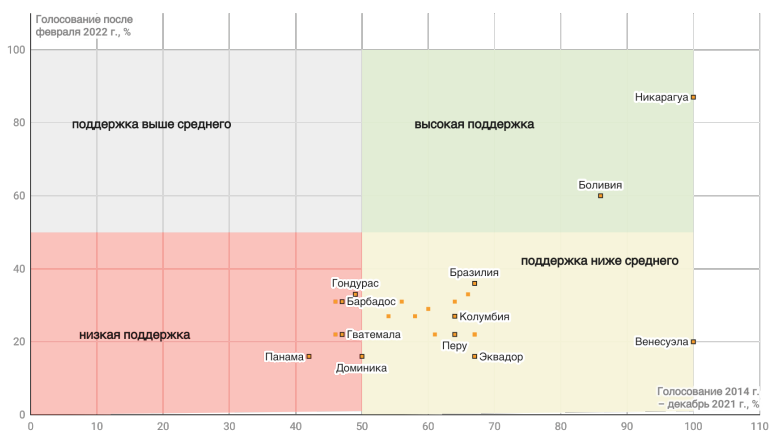

Рис. 3. Ранжирование стран Латинской Америки по группам поддержки на основании данных голосования на Генеральной Ассамблее ООН
Источник: рассчитано авторами исследования
 на основании данных цифровой библиотеки ООН

Отметим, что ситуация в Латинской Америке выглядит более противоречиво. С одной стороны, географическая близость к США и тесные экономические связи с Вашингтоном объективно ограничивают пространство для открытой поддержки России. С другой стороны, есть кейсы, указывающие на сохранение политического и экономического взаимодействия. Наиболее показателен пример Бразилии, которая несмотря на сдержанную позицию в ООН

и стремление сохранять нейтралитет в конфликте, активно развивает взаимодействие в рамках БРИКС, где Россия остается ключевым партнером. Более того, в 2023–2024 гг. президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва неоднократно подчеркивал важность многополярности и необходимость альтернативы доминированию Запада, что косвенно усиливает международные позиции России. Таким образом, в регионе наблюдается тенденция к «ситуативному нейтралитету». Формально государства снижают уровень поддержки на Генеральной Ассамблее ООН, но при этом не исключают Россию из числа стратегических партнеров, особенно в рамках новых многосторонних объединений.

Азиатско-Тихоокеанский регион

В Азиатско-Тихоокеанском регионе были изучены 17 стран⁶. Одним из важнейших партнеров России в Азиатском регионе остается Китай, хотя после февраля 2022 г. его поддержка упала на 26%, он все же остается в зоне стран с высокой поддержкой. До начала специальной военной операции Китай занимал пророссийскую позицию в «украинском вопросе», сейчас же он находится в числе воздерживающихся стран. Для Китая приоритетом остается поддержание благоприятной внешней среды, необходимой для долгосрочного экономического роста и реализации глобальных инициатив, в частности «Один пояс, один путь». В условиях стратегической конкуренции с США Китай стремится не допустить излишней конфронтации, балансируя между сохранением партнерства с Россией и необходимостью поддерживать экономические связи с Западом.

Самая низкая разница в голосованиях по периодам у Вьетнама (–7%), страна на протяжении двух периодов предпочитает воздерживаться по резолюциям, посвященным украинской тематике. В то же время у Камбоджи отмечается самое сильное падение поддержки: –74%. Если ранее Камбоджа поддерживала Россию в «украинском вопросе» более чем на 97%, то теперь показатель поддержки составляет 36%. Похожая ситуация с Филиппинами, где уровень снизился с 84 до 22%.

Сдержанная позиция Вьетнама объясняется его традиционной внешнеполитической стратегией «бамбуковой дипломатии»

⁶ Китай, Индия, Бангладеш, Вьетнам, Малайзия, Монголия, Филиппины, Индонезия, Пакистан, Таиланд, Шри-Ланка, Камбоджа, Афганистан, Непал, Бруней, Лаос, Мальдивы.

(Kim et al. 2024), направленной на балансирование между крупными державами. Ханой стремится не обострять отношения ни с США, ни с Россией, сохраняя в голосованиях на Генассамблее ООН преимущественно нейтралитет. Резкое падение поддержки со стороны Камбоджи связано с ее высокой экономической и политической зависимостью от западных стран, особенно в вопросах торговли и инвестиций. Для правительства в Пномпене критично сохранять доступ к западным рынкам, что ограничивает пространство для открытой поддержки Москвы. Схожим образом ситуация складывается и на Филиппинах: ориентация Манилы на союз с США в сфере безопасности и морской политики в Южно-Китайском море, а также стремление к укреплению оборонного сотрудничества в условиях региональной конкуренции, обусловили резкое снижение поддержки России на международной арене.

Особый случай представляет Индия. Ранее страна голосовала по важным для России вопросам либо «за», либо воздерживаясь, но после февраля 2022 г. воздерживается по всем резолюциям, кроме ежегодной российской инициативы «о борьбе с героизацией нацизма и неонацизма». Такая позиция отражает статус Индии как региональной державы, которая решает собственные стратегические задачи, балансируя между Россией и США, и стремится закрепить роль самостоятельного центра силы в многополярном мире (рис. 4).

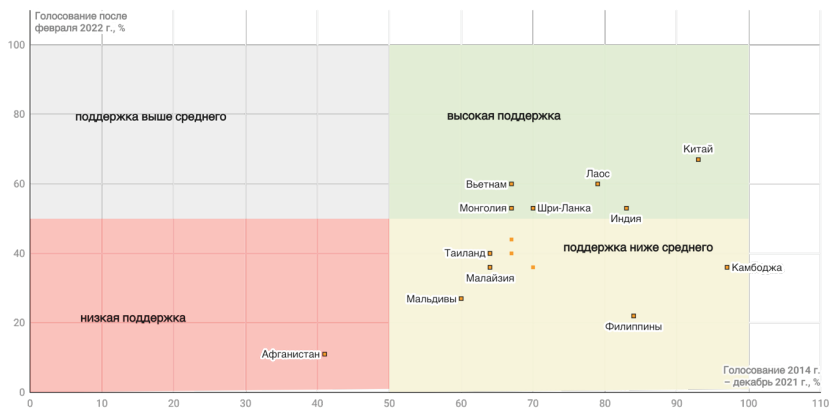

Рис. 4. Ранжирование стран Азиатско-Тихоокеанского региона по группам поддержки на основании данных голосования на Генеральной Ассамблее ООН

Источник: рассчитано автором исследования на основании данных цифровой библиотеки ООН

Дискуссия

Полученные результаты о голосовании стран «Глобального Юга» на площадке Генеральной Ассамблеи ООН говорят о том, что большинство государств мира не готово открыто выступить против западной гегемонии. По этой причине Россию на международной арене явно поддерживают либо страны, которые уже вступили в прямую конфронтацию с «коллективным Западом», например, Сирия, либо те, кто на мировой арене считаются «изгоями», в частности страны третьего мира (Африканский континент).

Авторитет ООН как главной международной организации продолжает снижаться. Многие страны, особенно представители «Глобального Юга», все чаще рассматривают Генеральную Ассамблею не как реальный механизм влияния, а как площадку для демонстрации формальных позиций. Их голосования нередко носят символический характер и не отражают реальные внешнеполитические приоритеты. В частности государства Персидского залива, которые зачастую воздерживаются при голосовании по ключевым резолюциям, на практике продолжают развивать сотрудничество с Россией.

Авторы исследования “Africa and the Ukraine Crisis: Exploring Attitude” справедливо указывают, что африканские государства с низким уровнем военных расходов оказываются более уязвимыми к внешнему политическому давлению со стороны западных стран при голосовании на Генеральной Ассамблее ООН. Добавим, что такая уязвимость обусловлена не только ограниченными оборонными возможностями, но и глубокой экономической зависимостью от Запада.

Многие страны «Глобального Юга» с развивающимися экономиками нуждаются в заемных средствах, поэтому финансовая поддержка МВФ и других институтов становится условием их стабильности, но также ограничивает их суверенитет в принятии внешнеполитических решений. Риск потерять эту финансовую поддержку нередко служит причиной сдержанности в отношениях с Россией. В условиях монополии доллара подобные страны вынуждены учитывать позицию США и их союзников, несмотря на нарастающий запрос на многополярность и независимость.

Для России и ряда стран «Глобального Юга» ключевым становится задача создания альтернативных финансовых структур и переходе к расчетам в национальных валютах. В процессе снижения зависимости от доллара особенно возрастает роль БРИКС, претендующего на место института глобального управления с привлечением к этому стран «Глобального Юга» (Лагутина 2022).

Заметен и отложенный после краха колониального периода рост самодостаточности африканских стран. Так, президент Зимбабве Эммерсон Мнангагва в интервью на полях Петербургского международного экономического форума-2024 отметил, что «Африка – больше не спящий гигант. Она поднимается. Она зарычит, как лев, и маленькие бесхребетные государства испугаются».

Таким образом, на фоне общего снижения формальной поддержки России странами мира на Генеральной Ассамблее ООН и попыток стран Запада представить страну в качестве «изгоя» на мировой арене, Россия сохраняет высокий уровень поддержки ряда крупных и богатых ресурсами стран. При этом анализ динамики голосований до и после 2022 г. показывает, что изменение баланса сил и общей политической конъюнктуры, а также рост значения альтернативных западным институтам развития может в ближайшей перспективе изменить ситуацию.

Заключение

В рамках данного исследования была предпринята попытка применить методы количественного анализа оценки уровня поддержки России на материале голосования на Генеральной Ассамблее ООН стран «Глобального Юга». Для каждого региона был проведен сравнительный анализ результатов голосования до и после февраля 2022 г. В целом по формальным критериям оценки поддержка России в мире после февраля 2022 г. снизилась.

Проведенное исследование показало, что голосование стран «Глобального Юга» на Генеральной Ассамблее ООН по вопросам, связанным с позицией России, не отражает в полной мере реальный характер их внешнеполитических стратегий. Несмотря на снижение формальных показателей поддержки России в период после февраля 2022 г., фактическое развитие двусторонних отношений с рядом государств указывает на сохранение и даже укрепление прагматического сотрудничества вне рамок формальных процедур.

Сравнительный анализ двух временных периодов: 2014–2021 гг. и 2022–2024 гг. – выявил устойчивую тенденцию: чем выше уровень зависимости стран «Глобального Юга» от западных финансовых институтов и долларовой системы, тем более осторожной становится их позиция при голосовании по резолюциям, касающимся России. При этом страны, обладающие значительным ресурсным потенциалом или геополитическими амбициями, чаще демонстрируют готовность к проведению многовекторной политики,

балансируя между давлением коллективного Запада и интересами углубления взаимодействия с Россией.

Снижение значимости ООН как универсальной площадки глобального управления и рост символичности решений Генеральной Ассамблеи усиливают роль альтернативных форматов международного сотрудничества, прежде всего БРИКС, ШОС и региональных интеграционных объединений (ЕАЭС). В связи с этим стратегической задачей для России становится создание условий для финансово-экономической независимости стран «Глобального Юга» от западных центров, включая развитие механизмов расчетов в национальных валютах и формирование новых институтов развития.

Таким образом, несмотря на наблюдаемое сокращение формальной поддержки на площадке Генеральной Ассамблеи ООН, Россия сохраняет потенциал укрепления партнерских связей с государствами «Глобального Юга», что обусловлено объективными факторами – необходимостью формирования многополярного миропорядка, интересом к развитию альтернативных финансовых и торговых механизмов, а также совпадением подходов по ключевым вопросам международной повестки. В перспективе эффективность российской внешней политики будет во многом зависеть от способности конвертировать политический диалог в устойчивые экономические и технологические связи, минимизируя влияние западных санкционных и институциональных ограничений.

Благодарности

Подготовлено в рамках выполнения государственного задания Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации.

Acknowledgements

Prepared as part of the state assignment for the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

Литература

Барановский 2017 – Барановский В.Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений // Полис: Политические исследования. 2017. № 3. С. 71–91.

- Дынкин 2024 – Дынкин А.А. Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии // *Полис: Политические исследования*. 2024. № 5. С. 8–23.
- Лагутина 2022 – Лагутина М.Л. Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС // *Международная аналитика*. 2022. Т. 13. № 1. С. 66–82.
- Маслова, Иванов 2024 – Маслова Е.А., Иванов Г.Н. Поведение средних держав в многосторонних институтах: опыт политики Италии в ООН // *Международные процессы*. 2024. Т. 22. № 1. С. 63–79.
- Никитин 2018 – Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // *Полис: Политические исследования*. 2018. № 6. С. 32–46.
- Растольцев 2018 – Растольцев С.В. «Глобальный Юг»: происхождение и эволюция термина // «Глобальный Юг» в полицентричном миропорядке. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 5–10. (Мировое развитие; вып. 19)
- Рюриков 2013 – Рюриков Д.Б. Кризис миропорядка и угрозы России и миру // *Вестник МГИМО-Университета*. 2013. № 1 (28). С. 70–75.
- Солянова 2016 – Солянова М.В. Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 5 (50). С. 34–47.
- Фененко 2023 – Фененко А.В. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория // *Международные процессы*. 2023. Т. 21. № 1 (72). С. 6–42.
- Шаклеина 2022 – Шаклеина Т.А. Переломный момент в мировом развитии. Сохранит ли Запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка XXI века? // *Международные процессы*. 2022. Т. 20. № 4. С. 6–22.
- Campos et al. 2023 – Campos R.G., Estefania-Flores J., Furceri D., Timini J. Geopolitical fragmentation and trade // *Journal of Comparative Economics*. 2023. Vol. 51. Iss. 4. P. 1289–1315.
- Kim et al. 2024 – Ким Зин Хи, Нгуен Тхи Тхао Ми, Тен К.И., Фам Тхи Минь Хуен. «Бамбуковая» дипломатия Вьетнама в обеспечении безопасности в АТР // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 5 (191). С. 49–57.
- Safranchuk et al. 2023 – Safranchuk I.A., Nesmashnyi A.D., Chernov D.N. Africa and the Ukraine crisis: Exploring attitude // *Russia in Global Affairs*. 2023. Vol. 21. No. 3 (83). P. 159–180.

References

- Baranovskii, V.G. (2017), “Transformation of global world order: dynamics of systemic changes”, *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 71–91.
- Campos, R.G., Estefania-Flores, J., Furceri, D. and Timini, J. (2023), “Geopolitical fragmentation and trade”, *Journal of Comparative Economics*, vol. 51, iss. 4, pp. 1289–1315.
- Dynkin, A.A. (2024), “Transformation of the world order: economy, ideology, technologies”, *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 8–23.

- Fenenko, A.V. (2023), "International order as a category of international studies: theoretical foundations", *International Trends*, vol. 21, no. 1 (72), pp. 6–42.
- Kim, Z.H., Nguyen, T.T.M., Ten, K.I. and Pham, T.M.H. (2024), "Vietnam's 'bamboo' diplomacy in ensuring security in the Asia-Pacific region", *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, vol. 191, no. 5, pp. 49–57.
- Lagutina, M.L. (2022), "Regional dimensions of BRICS cooperation", *Mezhdunarodnaya analitika*, vol. 13, no. 1, pp. 66–82.
- Maslova, E.A. and Ivanov, G.N. (2024), "The behavior of middle powers in multilateral institutions: the case of Italy's policy in the UN", *International Trends*, vol. 22, no. 1, pp. 63–79.
- Nikitin, A.I. (2018), "Modern world order, its crisis and prospects", *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 32–46.
- Rastoltsev, S.V. (2018), "Global South÷ the origin and evolution of the term", in "Global'nyi Yug" v politsestrichnom miroporyadke ["Global South" in the polycentric world], IMEMO RAS, Moscow, Russia, pp. 5–10. (*Mirovye razvitiye*; iss. 19)
- Ryurikov, D.B. (2013), "The world order crisis and the threats for Russia and the world", *MGIMO Review of International Relations*, vol. 28, no. 1, pp. 70–75.
- Safranchuk, I.A., Nesmarshnyi, A.D. and Chernov, D.N. (2023), "Africa and the Ukraine crisis: Exploring attitude", *Russia in Global Affairs*, vol. 21, no. 3 (83), pp. 159–180.
- Shakleina, T.A. (2022), "Turning point in global development. Will the West keep its predominant influence on world order in the 21st century?", *International Trends*, vol. 20, no. 4, pp. 6–22.
- Solyanova, M.V. (2016), "The problem of the world order in Western studies", *MGIMO Review of International Relations*, vol. 50, no. 5, pp. 34–47.

Информация об авторах

Кристина А. Пурен, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Москва, Россия; 117312, Россия, Москва, ул. Вавилова, д. 7; puren2011@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4207-6842

Екатерина С. Чимирис, кандидат политических наук, Институт Европы РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3, пом. 3/1;

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Москва, Россия; 117312, Россия, Москва, ул. Вавилова, д. 7; chimiris@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9837-8014

Information about the author

Christina A. Puren, Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development of the Russian Federation, Moscow, Russia; 7, Vavilov St., Moscow, Russia, 117312; puren2011@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4207-6842

Ekaterina S. Chimiris, Cand. of Sci. (Political Science), Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; room 3/1, bldg. 3, bld. 11, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009;

Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development of the Russian Federation, Moscow, Russia; 7, Vavilov St., Moscow, Russia, 117312; chimiris@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9837-8014